

УДК 81.34 ББК 81.0012 **ФИЧ № 3** 2009

средства выражения эпистемического значения и методологические основы лингвистической экспертизы

С.В. Доронина

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, эпистемическое модальное значение, фактуальное значение, субъективное значение, дискурсивные слова.

Keywords: linguistic expert examination, epistemic modal sense, fact meaning, subjective meaning, discourse words.

Одной из главных задач лингвистической экспертизы, нового направления прикладной лингвистики, является семиологический анализ текста с целью разграничения утверждений о фактах, соотносимых с объективной действительностью, и мнений, носящих субъективный характер.

В соответствии с законом мнение может быть выражено свободно, утверждение же должно соответствовать действительности. На основании этого целью экспертного анализа является обнаружение в предложении фактуального компонента. Предложение, содержащее и сведение, и мнение, требует выделения объективной информации с целью ее последующей судебной верификации.

Определение языковых признаков так называемых «утверждений о факте» или «фактологических/ фактуальных суждений» [Арутюнова 1988; Падучева 2004; Дмитровская 1988] до сих пор является неразрешенной проблемой лингвистики, осложняемой в нашем случае требованиями, предъявляемыми к данной операциональной единице со стороны юридической науки. Так, актуальная для лингвистики оппозиция «событие – факт» в рамках судебного речеведения оказывается незначимой, поскольку в рамках юрислингвистического подхода к описанию семантики предложения категория процессуальности нейтрализуется. Напротив, на первый план выступает оппозиция «дескриптивное – прагматическое значение».

Как прагматическая сущность **утверждение** о факте противопоставлено открытому ряду иных прагматических значений (иллокутивных функций): предположениям, волеизъявлениям, побуждениям, этикетным высказываниям, различного рода комиссивам (обещания, клятвы, угрозы), вопросам и пр. Иллокутивные функции имеют широкий спектр средств выражения: знаки препинания, частицы, полужнаменательные, перформативные глаголы. Наличие этих средств выводит высказывание из сферы утверждений о фактах.

Как семантическая сущность утверждение о **факте** может быть охарактеризовано в рамках противоположения: **объективность – интерпретационность** [Апресян 2006], где под интерпретационностью понимается наличие в семантике языковой единицы (слова или предложения) одного или нескольких из основных модальных значений: деонтического, аксиологического, эпистемического. **Всякий** раз интерпретационность/объективность высказывания проявляется в большей или меньшей степени. Однако очевидная для лингвиста диффузность значений языковых единиц вступает в противоречие с установками, диктуемыми юридической наукой, с позиций которой высказывание может либо сообщать сведение, либо выражать мнение субъекта. Такое положение дел требует создания специальных юрислингвистических параметров анализа семантики высказываний.

Для решения поставленных задач требуется разноаспектный анализ спорных контекстов. Прежде всего необходимо исследование **конструктивной формы предложения**. К утверждениям о фактах относятся лишь те грамматические конструкции, которые имеют форму индикатива настоящего или прошедшего времени (*Проворовался!*; *В арбитражном суде действуют серые кардиналы*). Остальные грамматические формы предложений выражают нефактуальную информацию. Предложения в индикативе настоящего или прошедшего времени требуют дальнейшего анализа, остальные формы – только в том случае, если предложение представляет собой полипропозитивный диктум. Сложное предложение на данном этапе требует анализа конструктивной формы каждой предикативной части.

Следующим этапом исследования является анализ **информативной структуры предложения**. Коммуникативный статус пропозиции зависит от типа предиката, в частности, от степени интерпретационности его семантики. Ю.Д. Апресян называет интерпретативами «слова, не обозначающие никакого конкретного действия или состояния, а служащие лишь для какой-то интерпретации другого, вполне конкретного действия или состояния» [Апресян 2006: 145]. Полагаем, что семантическая категория интерпретативности формируется из модальных и оценочных компонентов плана содержания. Модальные смыслы являются принципиально непроверяемыми, поскольку представляют собой выражение отношения производителя речи к объективному содержанию высказывания. Оценочные семы не поддаются верификации по причине их неконкретности. Количественный (много - мало) или качественный (хорошо – плохо) признак в структуре значения хоть и предполагает существование представлений о норме в естественном языке (иначе все лексемы данной семантики были бы лишены смысла), однако эта норма не дискретна. Оценочные шкалы количества и качества имеют

широчайшую зону вариативности. Именно поэтому присутствие того или иного оценочного компонента в структуре значения говорит не об объективных свойствах референта, а скорее об особенностях концептуальной системы индивида, высказывающего данное суждение [Вольф 1985].

Ср.: *X., перевознося себя и свою роль в психиатрии*, (мешает получению врачами свежей информации). Словарное толкование слова «превозносить» – 'давать оценку выше, чем следует'. Анализ семантики выделенного предиката выявляет в структуре значения лексемы два интерпретативных компонента: количественный (выше) и деонтический (следует). На этом основании лексему следует отнести к интерпретативным глаголам, а анализируемое выражение – к оценочным суждениям.

Наконец, на информационный статус высказывания влияет наличие в нем **слов с собственно модальным значением**. Разграничение фактуальных и нефактуальных высказываний требует первостепенного внимания к группе эпистемических модальных лексем. Непосредственным выразителем субъективной оценки истинности выступают лексемы полагания (*кажется, считаю, думаю, предполагаю*), незнания (*неизвестно, тайна, секрет, все равно*), сомнения и допущения (*сомневаюсь, не верится, еще не доказано, неправдоподобно, возможно, может быть*) [Арутюнова 1988; Падучева 2004]. Наличие этих слов в структуре высказывания сильно облегчает задачу интерпретатора, поскольку их семантика и функции в предложении очевидны. Более пристального внимания исследователя требуют лексемы с категорическим эпистемическим значением. Кроме того, возможность сложной комбинации модальных значений в структуре предложения ставит проблему соотношения категории «истинности – ложности» с другими модальными смыслами высказывания.

Значение категорической достоверности ('правда, что P') традиционно имеет нулевой способ выражения. В естественном языке любое предложение типа *Идет снег* включает эпистемическое значение истинности. Поэтому наличие в языке богатого синонимического ряда *бесспорно, несомненно, безусловно, действительно, правда, ясно* и пр. объясняется тем, что лексемы данной ЛСГ обогащены дополнительными коммуникативными смыслами, учет которых является важным для определения юрислингвистического статуса выражения. Существует мнение о том, что данная ЛСГ вообще неспособна маркировать объективную информацию: «Утверждение знания полностью исключает не только выражение неуверенности и указание на возможность ошибки, но и выражение уверенности. Выражение даже самой сильной уверенности никогда не может перейти в знание» [Дмитровская 1988: 10]. В рамках данного ряда необходимо разграничить лексемы знания и мнения, высказанного с высокой долей

уверенности. Хотя данная прагматическая информация пока не находит должного лексикографического отображения.

Исследование некоторых слов, выражающих эпистемическое значение, находим в работе Е.С. Яковлевой [Яковлева 1994]. Автор определяет разницу между лексемами категорической достоверности *бесспорно, естественно, конечно, настоящий, поистине, сущий*, ссылаясь на известное противопоставление непосредственного знания и умозаключения, принадлежащее Б. Расселу: «Мы говорим, что знакомы с чем-либо, если нам это непосредственно известно – без посредства умозаключений и без какого бы то ни было знания суждений истины», а также «Существование вещи, соответствующей описанию, выводится из существования других, знакомых мне вещей, с помощью некоторых общих принципов» [Рассел, цит. по Яковлева 1994: 199]. В проекции на оппозицию «сведение – мнение» объективными следует признать лишь суждения первого рода. Всякое умозаключение, прежде чем стать знанием, проходит этап верификации, соотнесения выводов с объективной реальностью. Поэтому информацию второго типа следует отнести к мнениям, пусть даже выраженным категорически.

На этом основании могут быть разграничены лексемы *несомненно, очевидно* и *действительно, правда, верно*. Первые представляют собой логический вывод из каких-либо положений, в котором говорящий уверен, как в объективном знании. Например, в ТВ-шоу «Интуиция», суть которого сводится к тому, чтобы игрок угадал род занятий неизвестных ему людей, встречаются следующие реплики: «**несомненно**/ дайвингист/ это номер четыре», «чемпион мира по фитнесу/ номер два/ это совершенно **очевидно**» (игрок и его помощники); «**скажите**/ Вы **действительно**/ стриптизерша», «Татьяна/ это **правда**/ что вы знаете/ шесть языков» (ведущий, обращаясь к незнакомцам). Взаимные синонимические замены модальных лексем в данных высказываниях невозможны. Поэтому только *действительно, правда, верно* выражают семантику, свойственную сведениям.

Лексемы *ясно, понятно* также маркируют выводное знание и, следовательно, мнение. Особенно наглядно это проявляется в контекстах, где подчинительная синтаксическая конструкция отражает семантику умозаключения, поскольку

1) имеет форму будущего времени: *Сегодня уже понятно, что критика правительства станет стержнем предвыборной кампании Единой России; Стало ясно, что никаких принципиальных решений на сей раз принято не будет* [материалы Национального корпуса русского языка, далее «Корпус»];

2) представляет собой деонтическое суждение (умозаключение о необходимости): *Понятно, что для раздумий гражданам необходимо время, и немалое; И уже сейчас ясно, что в первоочередном порядке необходимо принять около 25 законов;* [Корпус];

3) с той или иной степенью эксплицитности отражает причинно-следственные, целевые отношения: *И приехавшей милиции стало сразу ясно, что о самоубийстве 82-летнего человека речи быть не может; Совершенно понятно, что если вдруг резко повышается температура воздуха, то возникает ажиотажный спрос на воду и мороженое* [Корпус].

Как это часто бывает, особенность значений модальных лексем ярко проявляется в контекстах с отрицанием. Отрицание со словами *правда, верно* имеет значение «Р ложно»: *не правда, неверно*. Отрицание лексем с семантикой логического вывода дает значение сомнения в истинности суждения: *не ясно, непонятно, (отнюдь) не бесспорно* и пр.

Е.С. Яковлева разделяет маркеры категорического утверждения на две группы в соответствии с качеством передаваемой информации. По ее словам, суждение может базироваться на основании неполной, но достаточной для вывода информации, так как говорящему известны сущностные, индивидуализирующие черты объекта. Такая информация называется характерной. Нехарактерной считается информация о несущественных, но сопутствующих, соотносимых с событием признаках. На ее основе невозможно судить о событии без привлечения операций логического вывода. В рамках этой логики автор противопоставляет лексем *явно, определенно*, с одной стороны, и *бесспорно, несомненно, безусловно, очевидно* – с другой [Яковлева 1994: 219]. В проекции на лингвистическую экспертологию данная оппозиция вызывает вопрос: можно ли отнести к фактивам высказывания с маркерами характерной информации.

Анализ значений лексем *явно, определенно* в контекстах негативной характеристики лица (именно они становятся предметом лингвистической экспертизы) показывает, что так называемая «характерность» является не постоянным признаком данных лексем. Так, в контекстах *Вопреки расхожим представлениям о том, что вся страна «спит и видит» поселиться в Москве, наш опрос не подтвердил этот тезис: из всех городов Москва оказалась лишь на 1% притягательнее Санкт-Петербурга и уж явно проигрывает областным центрам. Скорее всего, обречена на провал и инициатива с приобщением к партии членов кабинета министров — пример главы МВД Грызлова заразительным для его коллег явно не оказался* действительно передается информация, представляющая собой очевидный вывод из конкретных фактов. Однако в Национальном корпусе русского языка имеется значительное количество контекстов, в которых данная семантика нейтрализуется: *В России такая господдержка сегодня явно отстаёт от*

нужд нашего малого бизнеса. Они носят явно контрпродуктивный и, если говорить о социальной политике в целом, антисоциальный характер. По этому критерию нынешняя путинская Россия на цивилизованность явно не тянет. Во всех этих контекстах частица выражает скорее усилительное эмоциональное, нежели эпистемическое значение достоверности. Усмотреть в предложениях вывод, основанный на легко проверяемых, очевидных фактах, мешает интерпретативность семантики, оперирование такими оценочными понятиями, как «цивилизованность», «продуктивность деятельности» и пр.

Полагаем, что семантический (и юрислингвистический) статус лексемы *явно* определяется следующими признаками. Она не может быть заменена фактивной частицей *действительно* без ощутимого изменения модального смысла высказывания: *Стоимость нового суперкомпьютера не разглашается, но она явно немалая* – *Стоимость нового суперкомпьютера не разглашается, но она действительно немалая*. Вместе с тем, она легко заменяема лексемами, выражающими уверенное мнение (*бесспорно, безусловно*), с условием замены присловной модусной характеристики на припропозитивную: *Действия латвийских властей этому явно не способствуют* – *Безусловно, действия латвийских властей не способствуют этому*. Наконец, слово *явно* может сочетаться как с интерпретативными, так и с конкретными предикатами. В последнем случае предложения приобретают оттенок логического вывода в условиях недостаточной информированности субъекта: *Расследование против Microsoft явно затихает* – *Расследование против Microsoft явно передано в суд*. *Избрание спикером Думы на третий срок ему явно не грозит* – *Баллотироваться на должность спикера Госдумы ему явно запретили*.

Таким образом, лексема *явно* встречается в интерпретативных контекстах, окрашивает модальностью уверенности продукты ментальной деятельности говорящего и вследствие этого маркирует мнение. Отличие *явно* от других лексем данной ЛСГ лежит в плоскости синтагматики. Что касается качества информации (ее характеристики), то это скорее референциальный признак целого выражения, не зависящий от лексемы *явно*.

Частица *определенно* близка *явно* по своим семантическим свойствам, о чем свидетельствует возможность их взаимозамены: *Главным же редакторам газет определённо импонирует такой тон: чем скандальнее статья, тем лучше газета продаётся* – *Главным же редакторам газет явно импонирует такой тон: чем скандальнее статья, тем лучше газета продаётся*. Отличие данных лексем заключается в большей синтаксической «свободе» лексемы *определенно*. В следующих предложениях возможность замены одного синонима на другой появляется лишь после конструктивной перестройки предложения, обеспечивающей присловную связь частицы *явно* и предиката: *Что отнимут дипломы и звания, это определённо* – *Дипломы и звания явно отнимут*.

Совершенно определено, что для рынка никеля в настоящее время существенно снижение темпов ввода в строй новых предприятий – Темпы ввода в строй новых предприятий на рынке никеля явно снижаются. Ограничение на употребление частицы явно налагает также и личное местоимение 1 лица: Нет, я определённо болен, лезет же в башку всякая блажь – Нет, ты/он явно болен, лезет же в башку всякая блажь – *Нет, я явно болен...

ЛСГ категорического отрицания по структуре значения не изоморфна группе категорической утвердительной модальности, в большинстве случаев маркирующей мнение. Главной особенностью выражений *не может быть, исключено, невозможно* является их многозначность.

Модальный предикатив *невозможно* обладает следующими значениями: 1) отсутствие физической возможности (*эти частицы невозможно увидеть в простой микроскоп*); 2) неприемлемо (*это невозможно для России*); 3) тяжело, трудно, неприятно (*невозможно жить в этом районе*). Очевидно, что эпистемическим (и проверяемым) в строгом смысле является только первое значение.

Лексема *исключено* способна выражать первые два из перечисленных значений, а также отличается от *невозможно* синтаксическими свойствами: она употребляется как одноместный предикатив *Нет, нет, это исключено, это невозможно*, причем в огромном количестве случаев с отрицательным припропозитивным смыслом *Не исключено, что часть дел будет просто закрыта*. Таким образом, *исключено* также может выражать и истинностное, и оценочное (аксиологическое) значение.

Выражение *не может быть* наиболее часто употребляется в эпистемическом значении «(не)возможность» *Вообще-то в демократическом обществе не может быть абсолютной консолидации* или в деонтическом значении «запрет» *Согласно ему один и тот же иск не может быть заявлен больше чем в один суд*. Эпистемическое значение «(не) истинность» обогащено дополнительными прагматическими оттенками: данная единица выражает не столько ложность утверждаемой пропозиции, сколько отказ говорящего поверить в истинность сообщаемого. Этим объясняется преимущественное употребление выражения в разговорной речи и сопровождающие высказывание эмоциональные интонации речи. Ср.: *Первая реакция - этого не может быть!; Нет, не может быть, люди они в высшей степени честные; Не может быть, не верю!* [Корпус].

Таким образом, лексика, выражающая категоричное отрицание также способна передавать субъективную информацию. Для решения вопроса о юрислингвистическом статусе выражений, включающих данные лексемы, требуется их анализ в контексте предложения.

Рассмотрим эпистемический потенциал других лексико-семантических групп. Выразители аксиологической модальности способны маркировать наличие в предложении эпистемически окрашенной пропозиции. Большинство аксиологических суждений, как правило, содержат утверждение о факте в виде пресуппозиции: *Хорошо, что X был разоблачен*, где «X был разоблачен» – факт.

Многие эмотивы имеют фактивную пресуппозицию. Так, высказывание *Чуткий консульский корпус тоже был предельно возмущен беспардонной выходкой X, посмевшегося ослушаться самого вождя мирового пролетариата* содержит утверждение о факте «X ослушался вождя мирового пролетариата» (см. об этом также [Падучева 2004]). Однако, вопреки мнениям некоторых исследователей, не вся лексико-семантическая группа эмотивности обладает такой особенностью. Например, в высказываниях *грустно сообщать неприятные известия, противно идти на поклон к негодяям, приятно сделать доброе дело* остается невыясненным, действительно ли событие, подвергаемое эмоциональной оценке, имело место. Не имеют фактивной пресуппозиции также глаголы *бояться, опасаться*. Всякое эмоциональное состояние имеет причину – некоторое объективное положение дел, вызвавшее эмоцию. Причина эмоции страха, как правило, проспективна и окрашена модальностью предположения. Ср.: *Боюсь его гнева* – с пресуппозицией «возможно, что Р будет иметь место»; *Боюсь, что вы устали* – с пресуппозицией «возможно, что имеет место Р». В обоих случаях пресуппозиции не представляют собой факта.

Эпистемическое значение истинности способны выражать лексемы коммуникативной модальности, осуществляющие референцию к речи автора или персонажа (*говорить, настаивать, уверять, подтверждать*). В исследовании Е.В. Падучевой [2004] признаются фактивными глаголы сообщения (*сообщить, информировать, предупредить*), а нефактивными – глаголы речи (*утверждать, заявлять, настаивать*). Способность лексем данной группы отражать объективное диктумное содержание не всегда очевидна. В частности, фактивность выражения «по словам X» можно доказать лишь методом моделирования контекстов.

Так, из четырех контекстов

- (1) *Глава городской администрации нарушил федеральный закон, в результате чего городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей.*
- (2) *Нарушение федерального закона главой администрации привело к тому, что городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей.*
- (3) *Я полагаю, что глава городской администрации нарушил федеральный закон, в результате чего городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей.*

- (4) *По моему мнению, действия главы городской администрации являются нарушением федерального закона, в результате чего городской бюджет недополучает пятьдесят миллионов рублей.*

контексты 1-2 являются утверждениями о фактах, контексты 3-4 – оценочными суждениями. При переводе прямой речи в косвенную употребление вводной конструкции «по словам...» нормативно только для контекстов 1-2. Для передачи контекстов 3-4 требуется конструкции «по мнению...», «по предположению», «как полагает...». Следовательно, в контексте *По словам X, действия главы городской администрации являются нарушением закона, в результате чего городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей* вводная конструкция «по словам...» является средством выражения утверждения о фактах.

Напротив, глагол «называть» никак не маркирует информационный статус диктумной пропозиции. Докажем это аналогичным методом:

- (1) *По моему мнению, это спланированное мошенничество.*
(2) *Я полагаю, здесь можно говорить о спланированном мошенничестве.*
(3) *Все эти действия – спланированное мошенничество.*
(4) *Это не что иное, как спланированное мошенничество.*

Контексты 1-2 являются оценочными суждениями, контексты 3-4 – утверждениями о фактах. При пересказе любого из смоделированных контекстов употребление глагола «называть» будет нормативным: *он называет все происходящее спланированным мошенничеством.* Поэтому употребление исследуемого коммуникатива делает истинность диктумного содержания неопределимой.

В рамках юрислингвистического исследования текста лексемы эмотивной, волитивной, операциональной (ментальные действия) семантических групп имеют еще одну особенность. Речевые конфликты возникают на базе текстов, посвященных третьему лицу. Поэтому в большинстве случаев эксперт имеет дело с контекстами, в которых осуществляется атрибуция модальных значений персонажу (так называемая «субъективация модуса» [Арутюнова 1988]): *Вы оставили государственную газету без помещения и стульев, желая, чтобы она влачила жалкое существование.* В этом случае вновь возникает ситуация «знание на основании умозаключения». Автор текста приписывает персонажу мысли, цели, эмоции, основываясь на фактах объективной действительности и личном жизненном опыте. Данный языковой признак также способствует тому, чтобы относить высказывания к разряду мнений.

Таким образом, для решения прикладных задач судебного речеведения требуется дальнейшее исследование лексем – выразителей эпистемического значения.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
2. Апресян Ю.Д. и др. Языковая картина мира и системная лексикография. – М, 2006.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.
4. Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: знание и мнение. – М. 1988.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.
6. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004.
7. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994.

Резюме:

С.В. Доронина. Средства выражения эпистемического значения и методологические основы лингвистической экспертизы.

В статье рассмотрен ряд дискурсивных слов, выражающих эпистемическое значение истинности. Специфика семантики позволяет разделить их на фактуальные и субъективно-модальные.

S.V. Doronina. Epistemic means of communication in linguistic expert examination.

The subject of the report is the meanings of epistemic discourse words. Semantic features permit to divide them into fact meaning and subjective meaning expressions.

Сведения об авторе:

Доронина Светлана Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: esdor@mail.ru.

ПОЛНЫЙ вариант

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

С.В. Доронина

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, эпистемическое модальное значение, фактуальное значение, субъективное значение, дискурсивные слова.

Keywords: linguistic expert examination, epistemic modal sense, fact meaning, subjective meaning, discourse words.

Одной из главных задач лингвистической экспертизы, нового направления прикладной лингвистики, является семиологический анализ текста с целью разграничения утверждений о фактах, соотносимых с объективной действительностью, и мнений, носящих субъективный характер.

В соответствии с законом мнение может быть выражено свободно, утверждение же должно соответствовать действительности. На основании этого целью экспертного анализа является обнаружение в предложении фактуального компонента. Предложение, содержащее и сведение, и мнение, требует выделения объективной информации с целью ее последующей судебной верификации.

Определение языковых признаков так называемых «утверждений о факте» или «фактологических/ фактуальных суждений» [Арутюнова 1988; Падучева 2004; Дмитровская 1988] до сих пор является неразрешенной проблемой лингвистики, осложняемой в нашем случае требованиями, предъявляемыми к данной операциональной единице со стороны юридической науки. Так, актуальная для лингвистики оппозиция «событие – факт» в рамках судебного речеведения оказывается незначимой, поскольку в рамках юрислингвистического подхода к описанию семантики предложения категория процессуальности нейтрализуется. Напротив, на первый план выступает оппозиция «дескриптивное – прагматическое значение».

Как прагматическая сущность **утверждение** о факте противопоставлено открытому ряду иных прагматических значений (иллокутивных функций): предположениям, волеизъявлениям, побуждениям, этикетным высказываниям, различного рода комиссивам (обещания, клятвы, угрозы), вопросам и пр. Иллокутивные функции имеют широкий спектр средств выражения: знаки препинания, частицы, ползнаменательные, перформативные глаголы. Наличие этих средств выводит высказывание из сферы утверждений о фактах.

Как семантическая сущность утверждение о **факте** может быть охарактеризовано в рамках противоположения: **объективность – интерпретационность** [Апресян 2006], где под интерпретационностью понимается наличие в семантике языковой единицы (слова или предложения) одного или нескольких из основных модальных значений: деонтического, аксиологического, эпистемического. **Всякий** раз интерпретационность/объективность высказывания проявляется в большей или меньшей степени. Однако очевидная для лингвиста диффузность значений языковых единиц

вступает в противоречие с установками, диктуемыми юридической наукой, с позиций которой высказывание может либо сообщать сведение, либо выражать мнение субъекта. Такое положение дел требует создания специальных юрислингвистических параметров анализа семантики высказываний.

Для решения поставленных задач требуется разноаспектный анализ спорных контекстов. Прежде всего необходимо исследование **конструктивной формы предложения**. К утверждениям о фактах относятся лишь те грамматические конструкции, которые имеют форму индикатива настоящего или прошедшего времени (*Проворовался!*; *В арбитражном суде действуют серые кардиналы*). Остальные грамматические формы предложений выражают нефактуальную информацию. Предложения в индикативе настоящего или прошедшего времени требуют дальнейшего анализа, остальные формы – только в том случае, если предложение представляет собой полипропозитивный диктум. Сложное предложение на данном этапе требует анализа конструктивной формы каждой предикативной части.

Следующим этапом исследования является анализ **информативной структуры предложения**. Коммуникативный статус пропозиции зависит от типа предиката, в частности, от степени интерпретационности его семантики. Ю.Д. Апресян называет интерпретативами «слова, не обозначающие никакого конкретного действия или состояния, а служащие лишь для какой-то интерпретации другого, вполне конкретного действия или состояния» [Апресян 2006: 145]. Полагаем, что семантическая категория интерпретативности формируется из модальных и оценочных компонентов плана содержания. Модальные смыслы являются принципиально непроверяемыми, поскольку представляют собой выражение отношения производителя речи к объективному содержанию высказывания. Оценочные семы не поддаются верификации по причине их неконкретности. Количественный (много - мало) или качественный (хорошо – плохо) признак в структуре значения хоть и предполагает существование представлений о норме в естественном языке (иначе все лексемы данной семантики были бы лишены смысла), однако эта норма не дискретна. Оценочные шкалы количества и качества имеют широчайшую зону вариативности. Именно поэтому присутствие того или иного оценочного компонента в структуре значения говорит не об объективных свойствах референта, а скорее об особенностях концептуальной системы индивида, высказывающего данное суждение [Вольф 1985].

*Ср.: Х., **превознося** себя и свою роль в психиатрии, (мешает получению врачами свежей информации).* Словарное толкование слова «превозносить» – 'давать оценку выше, чем следует'. Анализ семантики выделенного предиката выявляет в структуре значения

лексемы два интерпретативных компонента: количественный (выше) и деонтический (следует). На этом основании лексему следует отнести к интерпретативным глаголам, а анализируемое выражение – к оценочным суждениям.

Наконец, на информационный статус высказывания влияет наличие в нем **слов с собственно модальным значением**. Разграничение фактуальных и нефактуальных высказываний требует первостепенного внимания к группе эпистемических модальных лексем. Непосредственным выразителем субъективной оценки истинности выступают лексемы полагания (*кажется, считаю, думаю, предполагаю*), незнания (*неизвестно, тайна, секрет, все равно*), сомнения и допущения (*сомневаюсь, не верится, еще не доказано, неправдоподобно, возможно, может быть*) [Арутюнова 1988; Падучева 2004]. Наличие этих слов в структуре высказывания сильно облегчает задачу интерпретатора, поскольку их семантика и функции в предложении очевидны. Более пристального внимания исследователя требуют лексемы с категорическим эпистемическим значением. Кроме того, возможность сложной комбинации модальных значений в структуре предложения ставит проблему соотношения категории «истинности – ложности» с другими модальными смыслами высказывания.

Значение категорической достоверности ('правда, что P') традиционно имеет нулевой способ выражения. В естественном языке любое предложение типа *Идет снег* включает эпистемическое значение истинности. Поэтому наличие в языке богатого синонимического ряда *бесспорно, несомненно, безусловно, действительно, правда, ясно* и пр. объясняется тем, что лексемы данной ЛСГ обогащены дополнительными коммуникативными смыслами, учет которых является важным для определения юрислингвистического статуса выражения. Существует мнение о том, что данная ЛСГ вообще неспособна маркировать объективную информацию: «Утверждение знания полностью исключает не только выражение неуверенности и указание на возможность ошибки, но и выражение уверенности. Выражение даже самой сильной уверенности никогда не может перейти в знание» [Дмитровская 1988: 10]. В рамках данного ряда необходимо разграничить лексемы знания и мнения, высказанного с высокой долей уверенности. Хотя данная прагматическая информация пока не находит должного лексикографического отображения.

Исследование некоторых слов, выражающих эпистемическое значение, находим в работе Е.С. Яковлевой [Яковлева 1994]. Автор определяет разницу между лексемами категорической достоверности *бесспорно, естественно, конечно, настоящий, поистине, сущий*, ссылаясь на известное противопоставление непосредственного знания и умозаключения, принадлежащее Б. Расселу: «Мы говорим, что знакомы с чем-либо, если

нам это непосредственно известно – без посредства умозаключений и без какого бы то ни было знания суждений истины», а также «Существование вещи, соответствующей описанию, выводится из существования других, знакомых мне вещей, с помощью некоторых общих принципов» [Рассел, цит. по Яковлева 1994: 199]. В проекции на оппозицию «сведение – мнение» объективными следует признать лишь суждения первого рода. Всякое умозаключение, прежде чем стать знанием, проходит этап верификации, соотнесения выводов с объективной реальностью. Поэтому информацию второго типа следует отнести к мнениям, пусть даже выраженным категорически.

На этом основании могут быть разграничены лексемы *несомненно, очевидно* и *действительно, правда, верно*. Первые представляют собой логический вывод из каких-либо положений, в котором говорящий уверен, как в объективном знании. Например, в ТВ-шоу «Интуиция», суть которого сводится к тому, чтобы игрок угадал род занятий неизвестных ему людей, встречаются следующие реплики: «**несомненно**/ дайвингист/ это номер четыре», «чемпион мира по фитнесу/ номер два/ это совершенно **очевидно**» (игрок и его помощники); «скажите/ Вы **действительно**/ стриптизерша», «Татьяна/ это **правда**/ что вы знаете/ шесть языков» (ведущий, обращаясь к незнакомцам). Взаимные синонимические замены модальных лексем в данных высказываниях невозможны. Поэтому только *действительно, правда, верно* выражают семантику, свойственную сведениям.

Лексемы *ясно, понятно* также маркируют выводное знание и, следовательно, мнение. Особенно наглядно это проявляется в контекстах, где подчинительная синтаксическая конструкция отражает семантику умозаключения, поскольку

1) имеет форму будущего времени: *Сегодня уже понятно, что критика правительства станет стержнем предвыборной кампании Единой России; Хотя понятно, что каких-то гигантских успехов мы быстро не достигнем; Понятно, что в главных номинациях соревноваться между собой будут хорошо известные картины;*

Стало ясно, что никаких принципиальных решений на сей раз принято не будет; Ясно, что я всё это не смогу потянуть; Было ясно, что после этого разговора мы расстанемся [материалы Национального корпуса русского языка, далее «Корпус»];

2) представляет собой деонтическое суждение (умозаключение о необходимости): *Понятно, что для раздумий гражданам необходимо время, и немалое; Понятно, что идеологию нельзя выдумать; Понятно, что нельзя об этом забывать, надо ко всему подходить сбалансированно;*

И уже сейчас ясно, что в первоочередном порядке необходимо принять около 25 законов; Стало ясно, что руководить политическим органом партии - Генсоветом -

должен один человек, а исполнительным комитетом – другой; Однако ясно, что только лоббизмом не обойтись, менять систему придётся. Потому что уже давно было ясно, что нужно делать, но ничего не делалось [Корпус];

3) с той или иной степенью эксплицитности отражает причинно-следственные, целевые отношения: *И приехавшей милиции стало сразу ясно, что о самоубийстве 82-летнего человека речи быть не может; Всем ясно, что это только для того, чтобы родителей успокоить* [Корпус];

Понятно, что так просто группа действовать никак не могла, потому для прикрытия преступники использовали удостоверения работников силовых структур; Совершенно понятно, что если вдруг резко повышается температура воздуха, то возникает ажиотажный спрос на воду и мороженое [Корпус].

Как это часто бывает, особенность значений модальных лексем ярко проявляется в контекстах с отрицанием. Отрицание со словами *правда, верно* имеет значение «Р ложно»: *не правда, неверно*. Отрицание лексем с семантикой логического вывода дает значение сомнения в истинности суждения: *не ясно, непонятно, (отнюдь) не бесспорно* и пр.

Е.С. Яковлева разделяет маркеры категорического утверждения на две группы в соответствии с качеством передаваемой информации. По ее словам, суждение может базироваться на основании неполной, но достаточной для вывода информации, так как говорящему известны сущностные, индивидуализирующие черты объекта. Такая информация называется характерной. Нехарактерной считается информация о несущественных, но сопутствующих, соотносимых с событием признаках. На ее основе невозможно судить о событии без привлечения операций логического вывода. В рамках этой логики автор противопоставляет лексем *явно, определенно*, с одной стороны, и *бесспорно, несомненно, безусловно, очевидно* – с другой [Яковлева 1994: 219]. В проекции на лингвистическую экспертологию данная оппозиция вызывает вопрос: можно ли отнести к фактивам высказывания с маркерами характерной информации.

Анализ значений лексем *явно, определенно* в контекстах негативной характеристики лица (именно они становятся предметом лингвистической экспертизы) показывает, что так называемая «характерность» является не постоянным признаком данных лексем. Так, в контекстах *Вопреки расхожим представлениям о том, что вся страна «спит и видит» поселиться в Москве, наш опрос не подтвердил этот тезис: из всех городов Москва оказалась лишь на 1% притягательнее Санкт-Петербурга и уж явно проигрывает областным центрам. Скорее всего, обречена на провал и инициатива с приобщением к партии членов кабинета министров — пример главы МВД Грызлова* заразителем для его коллег *явно не оказался* действительно передается информация,

представляющая собой очевидный вывод из конкретных фактов. Однако в Национальном корпусе русского языка имеется значительное количество контекстов, в которых данная семантика нейтрализуется: *В России такая господдержка сегодня явно отстаёт от нужд нашего малого бизнеса. Они носят явно контрпродуктивный и, если говорить о социальной политике в целом, антисоциальный характер. По этому критерию нынешняя путинская Россия на цивилизованность явно не тянет.* Во всех этих контекстах частица выражает скорее усилительное эмоциональное, нежели эпистемическое значение достоверности. Усмотреть в предложениях вывод, основанный на легко проверяемых, очевидных фактах, мешает интерпретативность семантики, оперирование такими оценочными понятиями, как «цивилизованность», «продуктивность деятельности» и пр.

Полагаем, что семантический (и юрислингвистический) статус лексемы *явно* определяется следующими признаками. Она не может быть заменена фактивной частицей *действительно* без ощутимого изменения модального смысла высказывания: *Стоимость нового суперкомпьютера не разглашается, но она явно немалая – Стоимость нового суперкомпьютера не разглашается, но она действительно немалая.* Вместе с тем, она легко заменяема лексемами, выражающими уверенное мнение (*бесспорно, безусловно*), с условием замены присловной модусной характеристики на припропозитивную: *Действия латвийских властей этому явно не способствуют – Безусловно, действия латвийских властей не способствуют этому.* Наконец, слово *явно* может сочетаться как с интерпретативными, так и с конкретными предикатами. В последнем случае предложения приобретают оттенок логического вывода в условиях недостаточной информированности субъекта: *Расследование против Microsoft явно затихает – Расследование против Microsoft явно передано в суд. Избрание спикером Думы на третий срок ему явно не грозит – Баллотироваться на должность спикера Госдумы ему явно запретили. Обеспечить условия для работы следственных органов власть явно не торопится – Улучшить условия работы следственных органов властям явно не удалось.*

Таким образом, лексема *явно* встречается в интерпретативных контекстах, окрашивает модальностью уверенности продукты ментальной деятельности говорящего и вследствие этого маркирует мнение. Отличие *явно* от других лексем данной ЛСГ лежит в плоскости синтагматики. Что касается качества информации (ее характерности), то это скорее референциальный признак целого выражения, не зависящий от лексемы *явно*.

Частица *определенно* близка *явно* по своим семантическим свойствам, о чем свидетельствует возможность их взаимозамены: *Главным же редакторам газет определенно импонирует такой тон: чем скандальнее статья, тем лучше газета продается – Главным же редакторам газет явно импонирует такой тон: чем*

скандальнее статья, тем лучше газета продаётся. Братья определённо чего-то недоговаривали, излишне суетились, вспомнили вдруг ещё об одном подарке...– Братья явно чего-то недоговаривали, излишне суетились, вспомнили вдруг ещё об одном подарке...

Отличие данных лексем заключается в большей синтаксической «свободе» лексемы *определенно*. В следующих предложениях возможность замены одного синонима на другой появляется лишь после конструктивной перестройки предложения, обеспечивающей присловную связь частицы *явно* и предиката: *Что отнимут дипломы и звания, это определённо – Дипломы и звания явно отнимут. Но только с Линой у него определённо ничего не получится – Но только завести роман с Линой ему явно не удастся. Совершенно определено, что для рынка никеля в настоящее время существенно снижение темпов ввода в строй новых предприятий – Темпы ввода в строй новых предприятий на рынке никеля явно снижаются.* Ограничение на употребление частицы *явно* налагает также и личное местоимение 1 лица: *Нет, я определённо болен, лезет же в башку всякая блажь – Нет, ты/он явно болен, лезет же в башку всякая блажь – *Нет, я явно болен...*

ЛСГ категорического отрицания по структуре значения не изоморфна группе категорической утвердительной модальности, в большинстве случаев маркирующей мнение. Главной особенностью выражений *не может быть, исключено, невозможно* является их многозначность.

Модальный предикатив *невозможно* обладает следующими значениями: 1) отсутствие физической возможности (*эти частицы невозможно увидеть в простой микроскоп*); 2) неприемлемо (*это невозможно для России*); 3) тяжело, трудно, неприятно (*невозможно жить в этом районе*). Очевидно, что эпистемическим (и проверяемым) в строгом смысле является только первое значение.

Лексема *исключено* способна выражать первые два из перечисленных значений, а также отличается от *невозможно* синтаксическими свойствами: она употребляется как одноместный предикатив *Нет, нет, это исключено, это невозможно*, причем в огромном количестве случаев с отрицательным припропозитивным смыслом *Не исключено, что часть дел будет просто закрыта*. Таким образом, *исключено* также может выражать и истинностное, и оценочное (аксиологическое) значение.

Выражение *не может быть* наиболее часто употребляется в эпистемическом значении «(не)возможность» *Вообще-то в демократическом обществе не может быть абсолютной консолидации* или в деонтическом значении «запрет» *Согласно ему один и тот же иск не может быть заявлен больше чем в один суд*. Эпистемическое значение

«(не) истинность» обогащено дополнительными прагматическими оттенками: данная единица выражает не столько ложность утверждаемой пропозиции, сколько отказ говорящего поверить в истинность сообщаемого. Этим объясняется преимущественное употребление выражения в разговорной речи и сопровождающие высказывание эмоциональные интонации речи. Ср.: *Первая реакция - этого не может быть!; Нет, не может быть, люди они в высшей степени честные; Не может быть, чтобы этот аспирант, с которым у него не было никаких отношений, кроме чисто служебных, так уж растаял от сочувствия к его беде и приехал утешать с другого конца города; Не может быть, не верю!* [Корпус].

Таким образом, лексика, выражающая категоричное отрицание также способна передавать субъективную информацию. Для решения вопроса о юрислингвистическом статусе выражений, включающих данные лексемы, требуется их анализ в контексте предложения.

Рассмотрим эпистемический потенциал других лексико-семантических групп. Выразители аксиологической модальности способны маркировать наличие в предложении эпистемически окрашенной пропозиции. Большинство аксиологических суждений, как правило, содержат утверждение о факте в виде пресуппозиции: *Хорошо, что X был разоблачен*, где «X был разоблачен» – факт.

Многие эмотивы имеют фактивную пресуппозицию. Так, высказывание *Чуткий консульский корпус тоже был предельно возмущен беспардонной выходкой X, посмевшегося послушать самого вождя мирового пролетариата* содержит утверждение о факте «X ослушался вождя мирового пролетариата» (см. об этом также [Падучева 2004]). Однако, вопреки мнениям некоторых исследователей, не вся лексико-семантическая группа эмотивности обладает такой особенностью. Например, в высказываниях *грустно сообщать неприятные известия, противно идти на поклон к негодяям, приятно сделать доброе дело* остается невыясненным, действительно ли событие, подвергаемое эмоциональной оценке, имело место. Не имеют фактивной пресуппозиции также глаголы *бояться, опасаться*. Всякое эмоциональное состояние имеет причину – некоторое объективное положение дел, вызвавшее эмоцию. Причина эмоции страха, как правило, проспективна и окрашена модальностью предположения. Ср.: *Боюсь его гнева* – с пресуппозицией «возможно, что P будет иметь место»; *Боюсь, что вы устали* – с пресуппозицией «возможно, что имеет место P». В обоих случаях пресуппозиции не представляют собой факта.

Эпистемическое значение истинности способны выражать лексемы коммуникативной модальности, осуществляющие референцию к речи автора или

персонажа (*говорить, настаивать, уверять, подтверждать*). В исследовании Е.В. Падучевой [2004] признаются фактивными глаголы сообщения (*сообщить, информировать, предупредить*), а нефактивными – глаголы речи (*утверждать, заявлять, настаивать*). Способность лексем данной группы отражать объективное диктумное содержание не всегда очевидна. В частности, фактивность выражения «*по словам X*» можно доказать лишь методом моделирования контекстов.

Так, из четырех контекстов

- (1) *Глава городской администрации нарушил федеральный закон, в результате чего городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей.*
- (2) *Нарушение федерального закона главой администрации привело к тому, что городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей.*
- (3) *Я полагаю, что глава городской администрации нарушил федеральный закон, в результате чего городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей.*
- (4) *По моему мнению, действия главы городской администрации являются нарушением федерального закона, в результате чего городской бюджет недополучает пятьдесят миллионов рублей.*

контексты 1-2 являются утверждениями о фактах, контексты 3-4 – оценочными суждениями. При переводе прямой речи в косвенную употребление вводной конструкции «*по словам...*» нормативно только для контекстов 1-2. Для передачи контекстов 3-4 требуется конструкции «*по мнению...*», «*по предположению*», «*как полагает...*». Следовательно, в контексте *По словам X, действия главы городской администрации являются нарушением закона, в результате чего городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей* вводная конструкция «*по словам...*» является средством выражения утверждения о фактах.

Напротив, глагол «*называть*» никак не маркирует информационный статус диктумной пропозиции. Докажем это аналогичным методом:

- (1) *По моему мнению, это спланированное мошенничество.*
- (2) *Я полагаю, здесь можно говорить о спланированном мошенничестве.*
- (3) *Все эти действия – спланированное мошенничество.*
- (4) *Это не что иное, как спланированное мошенничество.*

Контексты 1-2 являются оценочными суждениями, контексты 3-4 – утверждениями о фактах. При пересказе любого из смоделированных контекстов употребление глагола «*называть*» будет нормативным: *он называет все происходящее спланированным мошенничеством*. Поэтому употребление исследуемого коммуникатива делает истинность диктумного содержания неопределимой.

В рамках юрислингвистического исследования текста лексемы эмотивной, волитивной, операциональной (ментальные действия) семантических групп имеют еще одну особенность. Речевые конфликты возникают на базе текстов, посвященных третьему лицу. Поэтому в большинстве случаев эксперт имеет дело с контекстами, в которых осуществляется атрибуция модальных значений персонажу (так называемая «субъективация модуса» [Арутюнова 1988]): *Вы оставили государственную газету без помещения и стульев, желая, чтобы она влачила жалкое существование.* В этом случае вновь возникает ситуация «знание на основании умозаключения». Автор текста приписывает персонажу мысли, цели, эмоции, основываясь на фактах объективной действительности и личном жизненном опыте. Данный языковой признак также способствует тому, чтобы относить высказывания к разряду мнений.

Таким образом, для решения прикладных задач судебного речеведения требуется дальнейшее исследование лексем – выразителей эпистемического значения.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
2. Апресян Ю.Д. и др. Языковая картина мира и системная лексикография. – М, 2006.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.
4. Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: знание и мнение. – М. 1988.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.
6. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004.
7. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994.

Резюме:

С.В. Доронина. Средства выражения эпистемического значения и методологические основы лингвистической экспертизы.

В статье рассмотрен ряд дискурсивных слов, выражающих эпистемическое значение истинности. Специфика семантики позволяет разделить их на фактуальные и субъективно-модальные.

S.V. Doronina. Epistemic means of communication in linguistic expert examination.

The subject of the report is the meanings of epistemic discourse words. Semantic features permit to divide them into fact meaning and subjective meaning expressions.

Сведения об авторе:

Доронина Светлана Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: esdor@mail.ru.